

Российско-норвежские связи и трансформация двустороннего сотрудничества в конце XX века (на примере Архангельской области)*

О. В. Зарецкая

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 163002, Архангельск, наб. Северной Двины, 17

Для цитирования: Зарецкая О. В. Российско-норвежские связи и трансформация двустороннего сотрудничества в конце XX века (на примере Архангельской области) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 451–466. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.407>

В статье рассмотрены вопросы восстановления и изменения исторических российско-норвежских связей на Европейском Севере в период трансформации международного порядка и конца биполярного мира в 1990-е годы. Автор определяет характер и специфические черты, присущие Баренцеву сотрудничеству, выявляет исторические этапы отношений России и Норвегии, а также перспективы дальнейшего взаимодействия вышеупомянутых стран. Актуальность темы обосновывается необходимостью комплексного изучения истории формирования и развития российско-норвежского сотрудничества в период изменений на международной арене и поиска новых направлений двустороннего взаимодействия с учетом того, что системное изучение опыта Норвегии и России, занимающих лидирующее положение в Совете Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), имеет весомое значение для оценки современного состояния и перспектив дальнейшего развития отношений в регионе в целом. К тому же мировая политика конца XX — начала XXI в. характеризуется тенденцией усиления региональных институтов и межрегионального сотрудничества. В центре внимания СБЕР стояло обеспечение комфортных условий для человека, живущего на Севере. Соответственно, поддерживая регулярный и взаимоуважительный диалог, участники Баренцева сотрудничества последовательно реализовывали различные проекты и выработали своего рода «иммунитет к перепадам международной конъюнктуры», способный отгородить его от геополитических потрясений. В качестве примера плодотворного российско-норвежского взаимодействия в работе анализируется сотрудничество северных провинций Норвегии и Архангельского региона в сферах образования, науки и здравоохранения как наиболее плодотворных областях, с особым вниманием к развитию кооперации в рамках СБЕР.

Ключевые слова: Норвегия, Архангельская область, Европейский Север, сотрудничество, наука, здравоохранение, образование.

* Исследования проведены при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-28-20462 «Международное сотрудничество на Европейском Севере: институциональные формы, вызовы и перспективы для реализации арктической политики России в конце XX — начале XXI в.».

Введение

Актуальность темы определяется процессами качественной трансформации мировой системы в условиях происходящей перестройки архитектуры международной политики и глобальной системы безопасности, завершающими этап международного взаимодействия и двусторонних связей, начавшийся в 1990-е годы. В конце XX в. поиск механизмов эффективного взаимодействия для выполнения актуальной для государств задачи встраивания в структуру новой мировой системы объективно подталкивал государства и регионы к интеграции. Международная интеграция в свою очередь подразумевала создание региональных интеграционных структур. Создавая «пояс добрососедства», Россия с 1992 г. стала участником ряда европейских и азиатских региональных и субрегиональных организаций сотрудничества. Так начинается и новый этап в истории международного сотрудничества Севера России, и Архангельской области в частности. Определенным символом нового этапа восстановления исторических российско-норвежских связей, прервавшихся в период холодной войны, стало подписание 11 января 1993 г. Киркенесской декларации, в соответствии с которой территории Норвегии, России, Финляндии и Швеции вокруг Баренцева моря были объединены в Баренцев/Евроарктический регион. Форумом для решения общих проблем Севера России и Севера Норвегии стал Баренцев/Евроарктический Совет. Целью данной статьи будет выявление позитивной и негативной преемственности в российско-норвежских отношениях в конце XX — начале XXI в. и оценка перспектив их развития на настоящий момент.

В процессе изучения особенностей регионального сотрудничества Норвегии и России используется подход неолиберального институционализма для обоснования того, что международное сотрудничество в конце XX в. было не только возможным, но и необходимым для обеспечения стабильности и приемлемого на тот момент мирового порядка, а включение России в развитие сотрудничества на Севере Европы в 1990-е годы является закономерным и необходимым этапом в историческом развитии международных отношений. С применением историко-генетического, историко-типологического и хронологического методов автору удалось изучить историю взаимодействия России и Норвегии в международно-правовой, политической, торгово-экономической и гуманитарной сферах, которая легла в основу Баренцева партнерства, способного выступать форумом для сохранения межгосударственного диалога при сложных геополитических ситуациях, и проанализировать накопленный исторический опыт российско-норвежского сотрудничества.

Из истории российско-норвежского сотрудничества до 1917 г.

Российско-норвежское сотрудничество на Севере, прервавшееся в годы холодной войны, имело длительную историю. Возможно, именно это позволило в кратчайшие сроки найти направления для восстановления утраченных возможностей плодотворного взаимодействия двух стран, имеющих общую границу, но серьезно отличающихся в конце XX в. по уровню социально-экономического и политического развития. Также следует отметить, что само мирное сосуществование двух народов имеющих общую границу и пересекающиеся интересы на протяжении

многих столетий, в том числе и в XX в., является своего рода феноменом, который был обусловлен всей историей российско-норвежских приграничных отношений.

До 1814 г. важным элементом русско-норвежского взаимодействия являлось существование так называемых общих округов — русско-норвежской территории на Севере. Эти округа являлись частью Сапми, земли саамов (рус. Лапландия, норв. Финнмарк). В Сапми сформировалась открытая граница (фронтир), подразумевавшая общие для России и Норвегии торговлю и налогообложение, чему способствовала культура саамов, а также наличие торговых связей саамов с Данией, Норвегией, Россией и Швецией. Изначально общие округа соответствовали территории крупных размеров: все побережье от Белого моря до Линген-фьорда (недалеко от современного Тромсе). С конца XVI в. началось сужение общей зоны, государства приступили к ее делению, и к началу XIX в. общие округа представляли собой небольшую область в Варангере. Она включала в себя три саамские общины: Бахчавеядьи (рус. Пазрека, норв. Пасвик), Беахсан (рус. Печенга, норв. Пейсен), Ньявдан (рус. Нявдем, норв. Нейден).

Период активных визитов карелов и русских к берегам Северной Норвегии с торговыми или грабительскими целями продолжался с начала XIII в. до середины XV в. Вероятно, эти действия явились ответом на деятельность северононорвежских и общенорвежских конунгов. Здесь произошло своего рода деление на сферы деятельности: население Северной Руси занималось преимущественно мехами и кожей, а норвежцы — рыбой (во многом потеря интереса Северной Норвегии к беломорской торговле и промыслу пушнины может быть объяснена повышением цен на рыбу в Европе) [1, с. 32]. Однако бояре Новгородской республики воспринимали норвежские поселения как угрозу своим интересам на Севере. Позже норвежские и датско-норвежские правители также стали предъявлять претензии на Кольский полуостров, приводя в доказательство свои походы в Белое море. Особую важность для них представляло право обложения данью проживавших там саамов.

Существует предположение, что новгородские власти осуществляли призывы русских, живших в Подвинье, и карелов Прионежья к осуществлению набегов на рыбацкие поселения Финнмарка [2, с. 34–45]. К началу XIV в. две стороны находились практически в состоянии войны, имела место вероятность захвата русскими и карелами Финнмарка с целью передачи его под юрисдикцию Новгорода, о чем свидетельствуют исландские источники 1380-х годов [3, с. 69]. По данным исландских источников, с 1250 по 1444 гг. карелы и русские одиннадцать раз совершали набеги на Северную Норвегию [1, с. 33]. В 1419 г. норвежской стороной было совершено ответное нападение вооруженного отряда в размере пятисот человек. Несмотря на то что основной целью русских и карелов были норвежские рыбацкие поселения, от этих набегов страдали и саамы.

С середины XV в. нападения постепенно сменились более мирной формой взимания дани, осуществляемого сборщиком податей и его «свитой» в размере 16–20 человек. Принадлежность крупных общих северных районов была еще не определена. На востоке побережье Белого моря и земли Кольского полуострова осваивались русскими и карелами, саамы здесь облагались податями. На западе вдоль Финнмарка развивались поселения норвежских рыбаков. К тому же на севере Сапми началось распространение шведских поселенцев, а с XVI в. за полярным кругом появились сельскохозяйственные финские поселения. Король Швеции также стал

претендентом на Лапландию. Вероятнее всего, острых конфликтов удавалось избегать благодаря постепенному освоению общих территорий.

Можно выделить несколько стадий процесса установления юрисдикции и создания инфраструктуры в общих русско-норвежских округах. Начальная стадия соответствует стремлению расширить контроль над торговлей и обладать правом налогообложения саамов. Далее следует процесс христианизации коренного населения, сопровождаемый строительством монастырей и церквей. В 1533 г. русским монахом Трифоном был основан монастырь в Печенге, что способствовало укреплению России на Кольской земле в долгосрочной перспективе. Со временем сформировалась граница, проходящая по Варангеру, которая определяла сферы влияния Евангелическо-лютеранской и Русской православной церквей [1, с. 33]. Начало XVIII в. характеризуется ростом числа норвежских и шведских монастырей и церквей. Вместе с этим осуществлялось экономическое привязывание местного населения к территориям России и Норвегии с помощью упорядочения торговли и создания рынков сбыта.

Особенностью развития русско-норвежских отношений является то, что переговоры о границе и прочих вопросах исполнительной власти осуществлялись с 1613 г. (окончание Кальмарской войны) по 1826 г. (подписано новое соглашение о русско-норвежской границе) на ежегодных встречах фогда (королевский чиновник, управлявший округами и наблюдавший за сбором налогов) Финнмарка и воеводы в Коле, соседствующей с Варде. Встречи сопровождались чередой обедов, приемов, переговоров и праздников. Данные экспедиции стали официально называться «Путешествие на Малый мыс». Источниками рисуется картина «дружбы и доверия» на местном уровне по нерешенным вопросам между двумя государствами.

На протяжении длительного времени русско-шведско-норвежские общие земли постепенно сужались, и к XIX в. общий округ представлял собой лишь часть норвежско-российской территории в районе Варангер-фьорда и шведско-российскую область вокруг озера Инари, так как Инари полностью отошло России по Фридрихсгамскому договору в 1809 г. (по этому же договору Финляндия вошла в состав Российской империи), общим округом оставались лишь территории в Варангере. Сложившиеся политические реалии способствовали укреплению России на Севере, что вызвало у норвежской стороны опасения полного присоединения общего округа к российским территориям. Встал вопрос о необходимости скорейшего разделения общего норвежско-российского пограничного района.

Специфической чертой российско-норвежского пограничья является то, что государственная граница при наличии богатого опыта двустороннего взаимодействия конкретно обозначилась достаточно поздно — пограничной конвенцией в 1826 г. [4], что можно объяснить периферийным положением данной территории по отношению к политическим центрам России и Норвегии, малонаселенностью данных областей, стремлением саамов к экономической адаптации, а также сдержанностью российских властей относительно проведения точных границ в малонаселенном и удаленном крае.

27 мая 1826 г. в Стокгольме конвенция «О границах между Россией и Норвегией в лапландских погостах» была подписана Н. Ф. Пальмшерной со шведско-норвежской стороны, К. В. Нессельроде с российской стороны и ратифицирована Карлом Юханом, а 11 июня 1826 г. — Николаем I.

Условия конвенции оказались довольно удачными для Норвегии, что способствовало развитию геополитической идеи «русской угрозы»: норвежцы всерьез обеспокоились, что Российская империя со временем захочет вернуть назад часть общих округов и завладеет Финнмарком с незамерзающими морскими заливами. Важно понимать, что точкой соприкосновения интересов на Севере являлись экономические отношения местного приграничного населения, в том числе поморская торговля. Они по большей части обладали мирным характером, не несли за собой политической подоплеки, соответственно, не могли стать источником норвежской русофобии, импульс для развития она получила после окончания Наполеоновских войн из стран Западной и Южной Европы.

Во второй половине XIX в. в среде русской интеллигенции произошло повышение интереса к Поморью, что способствовало появлению ряда трудов, по-разному, порой полярно противоположно, оценивающих и поморскую торговлю, и Норвегию, и норвежцев [5–7].

Говоря о российско-норвежском взаимодействии на Севере, необходимо упомянуть и о том, что жители Поморья на протяжении нескольких столетий подерживали и развивали деловые и торговые отношения с соседней Норвегией. Это в первую очередь обусловлено близостью географического положения этих северных регионов, сходством мореходных традиций и образом жизни, который напрямую зависел от морских промыслов.

Расположение поморских поселений на перекрестке речных и морских путей предопределило занятие не только морскими промыслами, но и торговлей. Поморская торговля с Северной Норвегией имеет древние корни. О зарождении поморской торговли можно говорить применительно уже к XVI в. В это время торговля с северными районами Норвегии ограничивалась территорией Варангер-фьорда, где на русской ярмарке, имевшей название Варангерская или Карлботнинская, в Финмаркене около Вадегуза (Варде) встречались купцы и простой торговый народ различных национальностей: русские, норвежцы, финны, шведы и саамы [8, с. 193]. По норвежским источникам, русские суда вели обширную торговлю во фьорде Финнмарк уже в 1680-е годы, а в 1690-е годы русские суда два раза приходили в Варде с мукой, крупой, холстами и полотном, топорами и кожей, «русскими блюдами» и «русскими ложками» [9, с. 27].

Хронологические рамки поморской торговли чаще всего в источниках определяются серединой XVIII — началом XX в. (точнее, событиями русской Октябрьской революции 1917 г.). Хотя незначительная часть поморских судов приходила в Норвегию вплоть до конца 1920-х годов [10]. В историографии часто можно встретить определение поморской торговли как торговли, носящей в основном меновой характер, когда товар менялся на товар, а именно норвежская рыба — на русский хлеб и другие товары. В этом случае хронологические рамки поморской торговли в ее чистом виде сужаются до конца XVIII — первых десятилетий XIX в. Остальной же период до Октябрьской революции 1917 г. торговые отношения поморов с норвежцами характеризуются как форма поморской торговли, изменившейся в силу развития капиталистических отношений. Эта форма допускала торговые операции с использованием денег, с активным участием купеческих торговых домов [9; 11; 12].

Уверенно можно заключить, что существование сезонной поморской торговли способствовало сближению населения Русского Севера и Северной Норвегии, это

в свою очередь провоцировало возникновение конфликтов между русскими и норвежцами относительно рыбных и морских ресурсов, что выявило потребность в диалоге между странами на государственном уровне.

Период до Октябрьской революции можно рассматривать как процесс постепенного сближения России и Норвегии. Страх «русской угрозы» в норвежском сознании, сформировавшийся после 1815 г., после 1905 г. (распад Шведско-Норвежской унии, установление дипломатических отношений России с Норвегией) постепенно уменьшился, особенно в годы Первой мировой войны. Начало советского этапа в истории Российского государства способствовало охлаждению российско-норвежских отношений и прекращению прежних связей и сотрудничества между странами на долгие годы.

Тем не менее те экономические возможности, которые открывало многовековое сотрудничество для жителей Севера России и Норвегии, и стали реальным стимулом для восстановления российско-норвежского взаимодействия в конце XX в.

Восстановление российско-норвежского сотрудничества в конце XX в.

Своеобразным символом реставрации многовековых взаимовыгодных отношений на Европейском Севере стал приход в город Архангельск норвежской ехты (яхты) «Паулине» 10 августа 1986 г.

Ехта «Паулине» имела свою историю, связанную с русско-норвежским сотрудничеством начала века, она была построена в начале XX в. и по имеющимся свидетельствам неоднократно посещала Архангельск. В 1980-е годы усилиями общественной организации «Общество реставрации “Паулине”» в Стейнхьере она была отреставрирована. Для популяризации идеи восстановления старинных рыбацких судов изначально предполагалось плавание «Паулине» вдоль побережья Норвегии, но в ходе планирования возникла идея продления маршрута до Архангельска [13].

Архангельск был «закрытым» портом, и для получения разрешения на визит был сделан запрос в МИД СССР. Ответ был отрицательным.

Но норвежская экспедиция состоялась. Произошло это благодаря усилиям обществ дружбы «СССР — Норвегия» и «Норвегия — СССР». Представители последнего обратились в московский Дом дружбы народов, скандинавский отдел которого возглавлял Ю. А. Сенкевич, помимо прочего — участник экспедиции Тура Хейердала на папирусной лодке «Ра». Последний обратился непосредственно в Политбюро ЦК КПСС, инициировав прямое вмешательство М. С. Горбачева, благодаря чему поход «Паулине» и состоялся. Правда, разрешение на пересечение границы пришло лишь с подходом к территориальным водам СССР.

В составе делегации «Паулине» были норвежские университетские ученые, работники музеев, представители средств массовой информации и, конечно, профессиональные моряки-яхтсмены. Встречать норвежскую делегацию было поручено В. Н. Булатову, который недавно был назначен ректором Архангельского государственного педагогического института (АГПИ). Торжественная встреча в Архангельске собрала сотни людей. Довольно необычно именно то, что первый шаг к восстановлению утраченных связей был сделан за несколько лет до трансформа-

ции государственной внешней политики и, возможно, и послужил кардинальным изменениям, которые начались уже в 1990-е годы.

В 1988 г. состоялся ответный визит российских яхт «Архангельск» и «Борей» в города провинции Финнмарк, следствием чего стало установление в следующем году побратимских связей между Архангельском и Варде.

Важную роль в развитии международного сотрудничества сыграло установление побратимских связей с конца 1980-х годов. Первым норвежским городом-побратимом Архангельска стал в 1989 г. старинный город Варде. Позднее побратимские связи были установлены между Архангельской областью и провинцией Тромсе, городами Онегой, Мезенью, Нарьян-Маром и городами Северной Норвегии.

Таким образом, визит «Паулине» стал прологом развития международных контактов и своего рода толчком к созданию Баренцева/Евроарктического региона в 1993 г.

Появление небольшой яхты совершило своего рода прорыв, став реальным проявлением «народной дипломатии», положившим начало возобновлению сотрудничества России и Норвегии на Севере, прерванного холодной войной.

Сотрудничество в Баренцевом/Евроарктическом регионе

11 января 1993 г., в норвежском городе Киркенесе министрами иностранных дел Норвегии, Дании, Финляндии, Исландии, России, Швеции и представителями Евросоюза была подписана Киркенесская декларация, положившая начало сотрудничеству в Баренцевом/Евроарктическом регионе (БЕАР).

Определенный толчок для развития сотрудничества в этом регионе дала речь М. С. Горбачева в Мурманске 1 октября 1987 г. Суть этих инициатив заключалась в том, чтобы обеспечить безопасность страны путем международного сотрудничества, а не военного противостояния. Весной 1985 г. М. С. Горбачев провозгласил курс «нового политического мышления» относительно внешней политики, а также внутривнутриполитическую перестройку и гласность, подарившие надежды на позитивное обновление советского общества. Энтузиазм перестройки иссяк к 1987 г. Особое значение было придано поездке М. С. Горбачева в Мурманск с 30 сентября по 2 октября 1987 г., в порт сотрудничества стран антигитлеровской коалиции, один из крупных советских военно-морских и экономических центров. Этот город рассматривали в качестве удобной «трибуны» для продвижения философии нового политического мышления посредством обращения к международной общественности (особенно североευропейской) с предложением решительного снижения уровня военного противостояния на Севере.

С этой «трибуны» 1 октября 1987 г. М. С. Горбачев выдвинул ряд внешнеполитических предложений, получивших название «Мурманские инициативы». Во-первых, предлагалось создание безъядерной зоны в Северной Европе, СССР готов был выступить гарантом для государств — участников данной зоны. Во-вторых, поднимался вопрос об ограничении военно-морской активности в морях, прилегающих к Северной Европе. Подобная инициатива исходила от президента Финляндии М. Койвисто. Основная идея заключалась в прекращении ядерных испытаний на Новой Земле, при том условии, что США также прекратят или сведут до минимума ядерные испытания. В-третьих, высказывалась необходимость мирного

сотрудничества по рациональному освоению ресурсов Арктики и Севера, в частности, предлагалось создать единую энергетическую программу. Во внимание находились огромное количество разведанных и неосвоенных запасов нефти и газа, необходимость совместной разработки североморского шельфа, а также минеральные ресурсы Кольского полуострова. В-четвертых, подчеркивалась потребность в научном изучении Арктики, было внесено предложение о проведении в Мурманске международной конференции по координации исследований науки в Арктическом регионе, в числе прочих вопросов рассматривающей проблематику коренного населения Севера и проблемы маргинального характера. В-пятых, особое внимание уделялось охране окружающей среды, М. С. Горбачевым предлагалось провести разработку объединенного комплексного плана охраны окружающей среды Севера совместно со странами Северной Европы. В-шестых, в отношении Северного морского пути М. С. Горбачев дал обещание открыть путь для иностранных судов при условии нормализации международных отношений. Таким образом, набор инициатив оказался достаточно смелым относительно философии нового политического мышления.

«Мурманские инициативы» были восприняты позитивно в международном обществе. Относительно внутривнутриполитической составляющей результатов поездки в Мурманск 10 марта 1988 г. принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 338 «О мерах по ускорению экономического и социального развития Мурманской области в 1988–1990 годах и на период до 2005 г.» (с 27 приложениями). Данное постановление санкционировало связи Мурманска по линии Всемирной федерации породненных городов и способствовало активизации движения «Северный Калотт» — разнопланового сотрудничества губерний Заполярья Норвегии, Финляндии и Швеции, акцентированного на туризме и коммуникации, с 1971 г. осуществляющего работу под руководством специального комитета Совета министров северных стран. Развитие парадипломатии субнациональных обществ, или так называемой народной дипломатии, помогло восстановить утраченное в период холодной войны доверие между странами Европейского Севера и заложить основу для создания принципиально новой организации трансграничного сотрудничества.

На конец октября 1989 г. был назначен визит М. С. Горбачева в Финляндию, на котором планировалось провести инвентаризацию и продвижение «Мурманских инициатив». Этому предшествовали ряд дискуссий и критика правительства СССР за низкую результативность по продвижению блока международных инициатив и по выполнению постановления № 338. Визит М. С. Горбачева в Финляндию состоялся с 25 по 27 октября 1989 г., был выделен ряд положительных результатов практического продвижения «Мурманских инициатив» [14]: заключение договора по ракетам средней и меньшей дальности, снятие их с боевого дежурства в районах Европейского Севера, тактическое оружие теперь не могло достигнуть стран Северной Европы; на Балтийском море ликвидировалось ядерное оружие морского базирования; в одностороннем порядке проведено сокращение численности советских войск в европейской части СССР; в 1988 г. в Ленинграде была проведена экологическая конференция ученых стран Северной Европы.

К основным положениям «Мурманских инициатив» М. С. Горбачев добавил ряд предложений. Первоочередной он видел необходимость договоренности по

аспектам военно-морского разоружения на морских пространствах Северной Европы. Позитивно относился к идее Финляндии созвать межправительственную конференцию по арктической экологии. М. С. Горбачевым была поддержана норвежская инициатива по заключению соглашения о взаимном оповещении при авариях на кораблях, включая атомные подводные лодки. Поступило предложение по учреждению парламентской группы стран Северной Европы для полного обсуждения проблематики региона с осуществлением контактов с Северным советом. Было заявлено, что пришло время принять взаимоприемлемое решение по разграничению морских пространств Баренцева моря. М. С. Горбачев подчеркнул традиционно добрососедский характер отношений с норвежцами, финнами и шведами и определил данное направление как приоритетное [15].

Из высказанных М. С. Горбачевым положений наиболее успешным в продвижении оказался вопрос разрешения пограничной проблемы советско-норвежской «серой зоны», экономических зон и морского шельфа площадью около 170 тыс. кв. км. Переговоры по этому вопросу велись с 1970 г., норвежский подход к его решению подразумевал опору на метод «срединной линии», советский подход — проведение линии согласно границам полярных владений СССР. Норвежской стороной были отклонены предложения СССР об общем использовании ресурсов «серой зоны», а Советский Союз отказывался от норвежских вариантов географического компромисса. К 1991 г. разграничить оставалось лишь южный участок площадью 40 тыс. кв. км. Норвегия была готова разделить территорию пополам, однако советская сторона, понимая, что район богат рыбными ресурсами и в связи с обнаружением перспективных месторождений нефти и газа, данную позицию отклонила.

М. С. Горбачев был удостоен Нобелевской премии мира 15 октября 1990 г. 5 июня 1991 г. он выступил в Осло с Нобелевской лекцией [16], в которой раскрывалась проблематика процесса перестройки, философия «нового политического мышления», идеи продолжения строительства «общеевропейского дома», а также делался акцент на развитии международного взаимодействия, в том числе североевропейского. 5 июня 1991 г. премьер-министром Норвегии Г. Х. Брундтланд и М. С. Горбачевым было подписано советско-норвежское заявление, уделявшее особое внимание развитию многопланового взаимовыгодного сотрудничества на Севере. Также в нем выражалось желание придать конкретность содержанию сотрудничества, в том числе и с помощью восстановления деловых контактов на уровне местных властей Северо-Запада России и Северной Норвегии, осуществлявшихся при «поморской торговле» [16, с. 23].

После распада СССР Российская Федерация международным сообществом была признана его правопреемником. Норвегия — первая из стран Запада, которая признала государственный суверенитет Российской Федерации 16 декабря 1991 г. Норвежское правительство в рамках акции «Помощь соседу» в декабре 1991 г. предоставило 20 млн крон для российского Северо-Запада, причем 5 млн крон из них были в распоряжении северных губерний Тромс и Финнмарк (предполагалось осуществление долгосрочной программы по оказанию содействия и развитию сотрудничества с Севером России).

Следующей фазой развития сотрудничества в Арктике была идея создания международной организации на Севере Европы, высказанная норвежским министром иностранных дел Торвальдом Столтенбергом в Хельсинки в 1992 г.

И наконец, на встрече министров по защите окружающей среды северных стран и России в городе Киркенесе (Норвегия) 3–4 сентября 1992 г. была подписана Декларация о принципах и приоритетах дальнейшего сотрудничества в сфере экологии, которая имела отношение уже непосредственно к Баренцеву региону. Четыре месяца спустя, 11 января 1993 г., в Киркенесе министрами иностранных дел Норвегии, Швеции, Финляндии, Дании, Исландии, России и представителем ЕС была подписана Декларация о сотрудничестве в Баренцевом/Евроарктическом регионе (БЕАР) [17].

В Баренц-регион входят северные губернии Норвегии: Нордланд, Тромс, Финмарк; провинции Финляндии: Лапландия, Северная Остроботния и Каинуа; лены Швеции: Вестерботтен и Норрботтен; и регионы России: Мурманская и Архангельская области, Республики Коми и Карелия, Ненецкий автономный округ. В целом население составляет 6 млн человек.

Главным документом, обобщающим направления и содержание сотрудничества, является Баренцева программа. Первая Баренц-программа была утверждена в 1994 г. на два года, последующие программы утверждались сроком на три года.

Источниками финансирования совместных проектов в Баренцевом регионе стали национальные фонды Норвегии, Швеции, Финляндии, международные благотворительные организации и фонды. Но в полной мере свои обязательства в 1990-е годы по выделению средств на региональное сотрудничество выполняла лишь Норвегия. Она была и самой активной в установлении двустороннего и многостороннего сотрудничества с Архангельской областью.

Большая заслуга в установлении сотрудничества между Архангельском и Северной Норвегией принадлежит заместителю главы администрации Архангельской области М. Н. Белогубовой, генеральному директору Ломоносовского фонда В. М. Третьякову, ректору Поморского государственного университете В. Н. Булатову, руководителю секретариата Баренцева региона Одрунн Петерсен, советникам Туру Робинсону, Сигурду Весгарду [18, с. 6–10].

Таким образом, в результате анализа исторического наследия российско-норвежского сотрудничества можно заключить, что к концу 1991 г. — моменту, когда Россия стала государством — правопреемником СССР — в отношениях с Норвегией сформировалась многоплановая основа взаимодействия в международно-правовой, политической, торгово-экономической и гуманитарной сферах. Значимая роль здесь отводится наследию дореволюционных отношений, характеризующихся добрососедством и взаимовыгодной торговлей. «Турбулентность» фазы советско-норвежского сотрудничества объясняется жесткой конфронтацией периода холодной войны. Определенным прорывом в укреплении добрососедства и мира на Европейском Севере, несмотря на ряд противоречий, стали «Мурманские инициативы» М. С. Горбачева, что послужило импульсом к пересмотру парадигмы международных отношений на Севере Европы в целом. В контексте преемственности и новизны национальной внешней политики сформированный базис российско-советско-норвежского взаимодействия можно определить как один из важнейших и для установления качественно новых двусторонних отношений, и для создания принципиально новой субрегиональной организации сотрудничества в Баренцевом регионе.

Сотрудничество в сфере образования, науки и здравоохранения

Основой сотрудничества в Баренцевом регионе стало плодотворное российско-норвежское взаимодействие в социальной, образовательной и научной сферах, а также инициативы, которые реализовывались на местном уровне за несколько лет до оформления региональной организации.

Так, международное сотрудничество в сфере образования начинается в 1991 г., когда был подписан первый договор между АГПИ и высшей школой города Альта (Норвегия). Соглашение предусматривало безвалютный обмен студентами и преподавателями (три студента и один преподаватель в год) для взаимного изучения языков двух стран [18].

В конце 1980-х — начале 1990-х годов организуется ряд научных конференций в Архангельске и Норвегии, которые легли в основу развития научного сотрудничества в регионе. Одной из самых крупных становится международная конференция «Баренцев регион: сотрудничество в сфере образования и научных исследований» (Архангельск, апрель 1993 г.). Более 120 преподавателей и научных работников из Скандинавии прибыли специальным первым прямым рейсом в Архангельск из Тромсе [18].

В 1992 г. Поморский университет (тогда — Поморский государственный педагогический университет имени М. В. Ломоносова) обратился к Университету Тромсе с просьбой о содействии в организации преподавания норвежского языка в Архангельске. В 1993 г. между университетом Тромсе и Поморским университетом (Поморским государственным международным педагогическим университетом) был подписан договор о сотрудничестве, в котором стороны договаривались об обмене студентами, о преподавании норвежского языка в Архангельске и о создании Норвежско-Поморского университетского центра. Норвежско-Поморский университетский центр был торжественно открыт 21 апреля 1993 г. На церемонии присутствовали министр иностранных дел Норвегии г-н Й. Й. Хольст и министр иностранных дел России А. В. Козырев, другие официальные лица, а также большая делегация сотрудников и ученых исследовательских и образовательных институтов Норвегии, прибывшая в Архангельск первым регулярным прямым рейсом из Тромсе [18, с. 7].

Осенью 1993 г. в Центре началось обучение норвежскому языку преподавателем Хермудом Сульбергом для двенадцати русских студентов. А уже в июле 1994 г. эта группа отправилась на семестровую стажировку в университет Тромсе. Осенью же 1994 г. в Архангельск приехали учиться первые норвежские студенты. Таким образом, было положено начало программам обмена студентами, количество которых через десять лет перешагнуло за тысячу.

Основой сотрудничества в сфере образования стали обмены студентами, преподавателями и учащимися. Через программы «Баренц плюс» (студенты) и «Баренц плюс юниор» (школьники) можно было получить стипендии для обучения в Норвегии на срок до одного учебного года.

В 1996 г. был создан Информационный Баренц-центр, являвшийся структурным подразделением ПГУ и в то же время выполнявший функции Архангельского представительства Норвежского регионального Баренц-секретариата. Баренц-центр оказывал консультационную и методическую поддержку участникам сотрудничества.

1990-е годы — очень продуктивный период в развитии международного сотрудничества в сфере образования и науки, отмеченный многими значимыми проектами: «Обучение студентов технических специальностей в г. Нарвик» (с 1995 г. между Политехническим институтом г. Нарвик, ПГУ, Архангельским государственным техническим университетом (АГТУ)), «Интеграция рыбообрабатывающей отрасли Северного региона в мировой рынок через профессиональное обучение» (с 1994 г. сотрудничество Архангельского рыбопромышленного колледжа и школы рыбной промышленности города Варде), «Институт развития ребенка» (с 1994 г. Соглашение между ПГУ и Братством милосердия Северной Норвегии), «Развитие телемедицины на Европейском Севере» (с 1993 г. региональная больница Тромсе, Архангельская медицинская академия, департамент здравоохранения Архангельской области, областная больница), «Российско-норвежская программа по сокращению случаев заболевания туберкулезом в Архангельской области» (с 1998 г. норвежская ассоциация «Легкие и сердце» и Архангельский противотуберкулезный диспансер) и многие другие проекты [18, с. 115–117; 19].

В целом следует отметить, что успешность начальной фазы сотрудничества объясняется участием в ней, помимо дипломатов и государственных властей, еще и представителей губерний. Сотрудничество губернских властей и наработанные ранее контакты в рамках «Северного Калотта» и движения породненных городов, особенно между северонорвежскими губерниями, Мурманской и Архангельской областями, способствовали также установлению в Киркенесской декларации оптимального соотношения «губернского» и «министерского» уровней взаимодействия, что в свою очередь обеспечило устойчивость российско-норвежскому сотрудничеству на следующие двадцать лет.

Заключение

Наличие общих проблем регионального, государственного и мирового масштабов, требовавших разрешения в конце XX в., способствовало оформлению Баренцева регионального сотрудничества. Автор данной статьи поддерживает мнение историка Й. П. Нильсена [20], исследовавшего историческое наследие региона с конца XVII в. и до конца 1980-х годов, — о том, что сотрудничество в рамках СБЕР представляет собой один из этапов длительного исторического процесса (предыдущие этапы: 1) «Поморская эра»; 2) период «Северного Калотта»), а не искусственное формирование, предназначенное для упорядочения международных отношений.

Для Баренцева сотрудничества на региональном уровне характерен быстрый переход от начального этапа создания сетей сотрудничества и доверия к следующему этапу разработки двусторонних и многосторонних проектов. Это привело к оформлению сети сотрудничества во всем регионе и во всех слоях общества, включая учителей, студентов, работников массмедиа, медицинских работников, художников, исследователей.

Развитие деятельности на региональном уровне обусловило привлечение к сотрудничеству целого ряда общественных организаций, движений и местных органов власти.

В 1990-е годы большая часть проектов носила двусторонний характер, только 10 % от общего количества — многосторонний. Наиболее плодотворной сферой

взаимодействия стал обмен студентами и учеными, который дал хорошие результаты и привлек большее количество участников.

В результате анализа исторического наследия российско-норвежского сотрудничества можно заключить, что к концу 1991 г. — моменту, когда Россия стала государством — правопреемником СССР, — в отношениях с Норвегией сформировалась многоплановая основа взаимодействия в международно-правовой, политической, торгово-экономической, и гуманитарной сферах. Значимая роль здесь отводится наследию дореволюционных отношений, характеризовавшихся добрососедством и взаимовыгодной торговлей, в особенности поморской. «Турбулентность» фазы советско-норвежского сотрудничества объясняется жесткой конфронтацией периода холодной войны. В контексте преемственности и новизны национальной внешней политики сформированный базис российско-советско-норвежского взаимодействия можно определить как один из важнейших и для установления качественно новых двусторонних отношений, и для создания принципиально новой субрегиональной организации сотрудничества в Баренцевом регионе. Все вышеперечисленные факторы повлияли и на развитие взаимовыгодного сотрудничества Архангельской области с зарубежными партнерами, которое продолжилось и в 2000-х годах.

В 2000 г. на три года была принята четвертая Баренц-программа, которая укрупнила приоритетные направления сотрудничества, сведя их к пяти основным блокам:

1. Развитие экономики и инфраструктуры.
2. Развитие образования.
3. Охрана окружающей среды и здравоохранение.
4. Культура.
5. Коренные народы.

Из пяти приоритетных сфер сотрудничества в Архангельской области по-прежнему наиболее активно развивались проекты, связанные с высшим образованием и наукой, здравоохранением и культурой, но норвежская сторона проявляла мало интереса к сотрудничеству в сфере промышленности.

К 2006 г. в сотрудничестве наблюдается определенный спад в силу различных причин. Во-первых, возникновение «усталости» у участников сотрудничества. Связано это с тем, что старые проекты и формы сотрудничества себя исчерпали, а новизна, привлекающая внимание к плодотворному взаимодействию, отсутствует. Во-вторых, отсутствие стабильного финансирования у российских участников культурного сотрудничества. В-третьих, транспортные проблемы: Баренцев регион обширен по площади, но малонаселен. Проезд участников с целью осуществления того или иного культурного проекта сопряжен со значительными финансовыми затратами, а отсутствие определенных материальных активов тормозит процесс культурного взаимодействия. В-четвертых, это бюрократические препоны, которые выражаются в первую очередь в сложной и затратной процедуре получения визы как для российских граждан, выезжающих в скандинавские страны и Финляндию, так и для скандинавов, направляющихся в Россию.

На настоящий момент как двусторонние российско-норвежские отношения, так и сотрудничество в Баренцевом регионе приостановлено. Однако, учитывая исторический опыт восстановления утраченных связей, мы можем предположить,

что Баренцево сотрудничество выработало своего рода «иммунитет к перепадам международной конъюнктуры» [21], способный отгородить его от геополитических потрясений и вновь вернуть на путь конструктивного диалога.

Литература

1. Нильсен, Й. П., Ниemi, Э. и Кристенсен, У. (2017), Общие норвежско-русские округа до 1814 г., в: Нильсен, Й. П. (ред.), *Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах*, М.: Весь мир, с. 24–43.
2. Ушаков, И. Ф. (1972), *Кольская земля*, Мурманск: Мурманское книжное издательство.
3. Рыдзевская, Е. А. (1978), *Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв.*, М: Наука.
4. Конвенция «О границах между Россией и Норвегией в лапландских погостах». URL: http://lexicon.dobrohot.org/index.php/КОНВЕНЦИЯ_%20границах_между_Россией_и_Норвегией_в_лапландских_погостах%22 (дата обращения: 26.04.2022).
5. Максимов, С. В. (1859), *Год на Севере*, СПб: Издание книгопродавца Д. Е. Кожанчикова.
6. Немирович-Данченко, В. И. (1877), *Страна Холода*, СПб., М.: Издание М. О. Вольф.
7. Слезкинский, А. Г. (1897), *Мурман*, СПб.: Типография И. Гольдберга.
8. Шрадер, Т., *С торгом в Норвегии*. URL: https://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-187-9/978-5-88431-187-9_21.pdf (дата обращения: 26.04.2022).
9. Ниemi, Э. (1996), Поморская торговля с точки зрения норвежцев, в: *Народы и культуры Баренцева региона*, Тромсе: Музей Тромсе, с. 26–36.
10. *Поморская торговля*. URL: <http://www.pomor.no/rus/articles.php?conID=1> (дата обращения: 26.04.2022).
11. Репневский, А. В. (2003), Историческая судьба поморской торговли и день сегодняшний, *Триумфальная арка*, № 3, с. 106–107.
12. Репневский, А. В. (1998), Русская революция и крушение поморских торговых традиций, в: *Государство, религия и этносы на Севере, 700 –1990: Международная российско-скандинавская конференция*, Архангельск: Изд-во Поморского государственного университета, с. 18–21.
13. Михайлов, А., *20 лет назад яхта «Паулина» растопила лёд в российско-норвежских отношениях*. URL: <https://www.pravda.ru/districts/190606-arh/> (дата обращения: 26.04.2022).
14. *Известия* (1988), 11 марта.
15. Горбачев, М. С., *Жизнь и реформы*, кн. 2. URL: https://www.gorby.ru/gorbachev/zhizn_i_reformy2/page_7/#4 (дата обращения: 26.04.2022).
16. Горбачев, М. С. (1991), *Нобелевская лекция. 5 июня 1991 г. Осло*, М.: Политиздат.
17. *Декларация о сотрудничестве в Баренцевом/Евро-Арктическом регионе*. URL: https://narfu.ru/upload/medialibrary/abb/deklaratsiya-o-sotrudnichestve-_bear_.pdf (дата обращения: 24.05.2022).
18. Булатов, В. Н. и Шалев, А. А., (2001), *Баренцев Евро-Арктический регион и Архангельская область: международное сотрудничество*, Архангельск: Изд-во Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
19. Отчет главы администрации Архангельской области П. Н. Балакшина на 12-й сессии Архангельского областного совета народных депутатов от 08 июня 1993 г. (2015), в: *Архангельский Север в документах истории (с 1946 по 1993 год)*, Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, с. 364–384.
20. Nielsen, J. P. (2001), Russian-Norwegian relations in Arctic Europe: The history of the “Barents Euro-Arctic Region”, *East European Quarterly*, vol. 35, pp. 163–181.
21. Выступление Сергея Лаврова на 14-й Киркенесской конференции. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/29118> (дата обращения: 24.05.2022).

Статья поступила в редакцию 24 августа 2022 г.,
рекомендована к печати 12 октября 2022 г.

Контактная информация:

Зарецкая Оксана Валерьевна — канд. ист. наук, доц.; o.zaretskaya@narfu.ru

Russian-Norwegian relations and the transformation of bilateral cooperation at the end of the 20th century (on the example of the Arkhangelsk region)*

O. V. Zaretskaya

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov,
17, nab. Severnoy Dviny, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation

For citation: Zaretskaya O. V. Russian-Norwegian relations and the transformation of bilateral cooperation at the end of the 20th century (on the example of the Arkhangelsk region). *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2022, vol. 15, issue 4, pp. 451–466. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.407> (In Russian)

The article deals with the restoration and changes of historical Russian-Norwegian relations in the European North during the transformation of the international order and the end of the bipolar world in the 1990s. The author defines the nature and specific features inherent in the Barents cooperation, reveals the historical stages of relations between Russia and Norway, as well as the prospects for further interaction between the above-mentioned countries. The relevance of the topic is justified by the need for a comprehensive study of the history of the formation and development of Russian-Norwegian cooperation in a period of changes in the international arena and the search for new areas of bilateral cooperation, taking into account the fact that a systematic study of the experience of Norway and Russia, which occupy a leading position in the Council of the Barents Euro-Arctic Region (CBEAR) is of great importance for assessing the current state and prospects for further development of relations in the region as a whole. In addition, the world politics of the late 20th — early 21st century was characterized by a trend of strengthening regional institutions and interregional cooperation. The focus of the BEAR was to provide comfortable conditions for a person living in the North. Accordingly, by maintaining a regular and mutually respectful dialogue, the participants in the Barents Cooperation consistently implemented various projects and developed a kind of “immunity to fluctuations in the international situation”, capable of isolating it from fluctuations in the geopolitical situation during the period under study. As an example of fruitful Russian-Norwegian cooperation, the paper analyzes cooperation between the northern provinces of Norway and the Arkhangelsk region in the fields of education, science and healthcare, as the most fruitful areas, with special attention to the development of cooperation within the BEAR.
Keywords: Norway, Arkhangelsk region, European North, cooperation, science, healthcare, education.

References

1. Nielsen, J. P., Niemi, E. and Christensen, W. (2017), Common Norwegian-Russian Districts before 1814, in: Nielsen, J. P. (ed.), *Rapprochement: Russia and Norway in 1814–1917*, Moscow: Ves' mir Publ., pp. 24–43. (In Russian)
2. Ushakov, I. F. (1972), *Kola land*, Murmansk: Murmanskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ. (In Russian)
3. Rydzevskaya, E. A. (1978), *Ancient Russia and Scandinavia in the 9th–14th centuries*, Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
4. Convention “On the borders between Russia and Norway in the Lapland graveyards”. Available at: http://lexicon.dobrohot.org/index.php/CONVENTION_%22About_borders_between_Russia_and_Norway_in_Lapland_graveyards%22 (accessed: 26.04.2022).
5. Maksimov, S. V. (1859), *A Year in the North*, St Petersburg: Edition of the bookseller D. E. Kozhan-chikov. (In Russian)

* The study was funded by the Russian Science Foundation project no. 22-28-20462 “International cooperation in the European North: Institutional forms, challenges and prospects for the implementation of Russia’s Arctic policy in the late 20th — early 21st century”.

6. Nemirovich-Danchenko, V.I. (1877), *Country of Cold*, St Petersburg and Moscow: M. O. Wolf Publ. (In Russian)
7. Slezskinsky, A. G. (1897), *Murman*. St Petersburg: Tipografia I. Goldberga Publ. (In Russian)
8. Schrader, T. *Bargaining in Norway*. Available at: https://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-187-9/978-5-88431-187-9_21.pdf (accessed: 26.04.2022).
9. Niemi, E. (1996), Pomor trade from a Norwegian point of view, in: *Peoples and Cultures of the Barents Region*, Tromsø: Museum of Tromsø Publ., pp. 26–36. (In Russian)
10. *Pomor Trade*. Available at: <http://www.pomor.no/rus/articles.php?conID=1> (accessed: 26.04.2022).
11. Repnevsky, A. V. (2003), The Historical Fate of the Pomor Trade and the Present Day, *Triumfal'naiia Arka*, no. 3, p. 106–107. (In Russian)
12. Repnevsky, A. V. (1998), The Russian Revolution and the Collapse of the Pomor Trade Traditions, in: *State, Religion and Ethnic Groups in the North, 700–1990: International Russian-Scandinavian Conference*, Arkhangel'sk: Publishing House of Pomor State University, pp. 18–21. (In Russian)
13. Mikhailov, A. *20 Years Ago, the Paulina Yacht Melted the Ice in Russian-Norwegian Relations*. Available at: <https://www.pravda.ru/districts/190606-arh/> (accessed: 26.04.2022). (In Russian)
14. *Izvestiya* (1988), March 11. (In Russian)
15. Gorbachev, M. S. *Life and Reforms*, book 2. Available at: https://www.gorby.ru/gorbachev/zhizn_i_reformy2/page_7/#4 (accessed: 26.04.2022). (In Russian)
16. Gorbachev, M. S. (1991), *Nobel Lecture*. June 5, Oslo, Moscow: Politizdat Publ. (In Russian)
17. *Declaration on Cooperation in the Barents/Euro-Arctic Region*. Available at: https://narfu.ru/upload/medialibrary/abb/deklaratsiya-o-sotrudnichestve-_bear_.pdf (accessed: 24.05.2022). (In Russian)
18. Bulatov, V.N. and Shalev, A. A. (2001), *The Barents Euro-Arctic Region and the Arkhangel'sk Region: International Cooperation*, Arkhangel'sk: Publishing House of Pomor State University named after M. V. Lomonosov. (In Russian)
19. Report of the head of the administration of the Arkhangel'sk region P.N. Balakshin at the 12th session of the Arkhangel'sk Regional Council of People's Deputies of June 08, 1993 (2015), in: *Arkhangel'sk North in the Documents of History (from 1946 to 1993)*, Arkhangel'sk: Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov Publ., pp. 364–384. (In Russian)
20. Nielsen, J. P. (2001), Russian-Norwegian relations in Arctic Europe: The history of the “Barents Euro-Arctic Region”, *East European Quarterly*, vol. 35, pp. 163–181.
21. *Speech by Sergey Lavrov at the 14th Kirkenes Conference*. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/29118> (accessed: 24.05.2022). (In Russian)

Received: August 24, 2022
Accepted: October 12, 2022

Author's information:

Oksana V. Zaretskaya — PhD in History, Associate Professor; ozaretskaya@narfu.ru